

ЭМИЛЬ АДЕЛЬМАН

ШЕСТИГРАННИК

Эмиль Адельман

ШЕСТИГРАННИК

«Автор»

2026

Адельман Э.

ШЕСТИГРАННИК / Э. Адельман — «Автор», 2026

В мире, куда вы отправляетесь, привычные правила времени, пространства и логики больше не работают. Истории разных человеческих жизней, в которых предстоит: Прожить теплый день детства, пока взрослые вокруг шепотом страшатся перемен, или прийти в себя и осознать, что ежедневная смена превращается в вечность. Оказаться в Москве, которая выглядит как ожившая футуристическая утопия, или заглушить бурю в собственной голове, не подозревая о последствиях. Оказаться посреди открытого моря на дрейфующем катере с выгоревшей электроникой, или наткнуться на собственном участке на замурованный в землю многотонный контейнер. Какая невидимая нить стягивает их в один узел? Вам предстоит выяснить это самостоятельно. Представьте, что главы – шесть граней игровой кости. У вас есть два пути: 1. Стандартный: читать главу за главой. 2. Игра в рулетку: найдите кубик, бросьте его и начните чтение с той цифры, которая выпадет! С какой точки начнется ваше путешествие? Игра началась!

© Адельман Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Сон после прогулки	6
Глава 2. Миссия	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

ШЕСТИГРАННИК

Предисловие

ЧАСТЬ 1 БАРАБАН.

(Инструкция для исследователя)

Привет, читатель! Прежде чем ты перевернёшь эту страницу, я предлагаю тебе выбрать, как именно ты прочтёшь первую часть этой книги. Здесь есть два пути.

Путь первый: Стандартный.

Ты можешь читать главу за главой, от первой до последней, как обычный роман. Это привычно и уютно. Но помни: в мире, куда ты отправляешься, привычные правила времени и логики больше не работают.

Путь второй: Игра в рулетку (Рекомендую именно его).

В первой части книги ровно шесть глав. Представь, что это шесть патронов в барабане револьвера, но каждый патрон уникален. Или шесть граней обычной игровой кости. Найди кубик. Кинь его наугад. Какая цифра выпадет – с той главы и начинай читать книгу!

Например, если выпала тройка – читай третью главу, а затем иди дальше по кругу: четвёртую, пятую, шестую, а потом возвращайся к первой и второй. Ты удивишься, но книга построена так, что от перемены мест глав сюжет не ломается. Наоборот, он каждый раз собирается в совершенно новую, уникальную мозаику. Попробуй, это отличный аттракцион для ума.

И ещё одно важное предупреждение.

Где-то на середине пути, когда загадки начнут закручиваться в тугой узел, у тебя обязательно появится соблазн схитрить. Заглянуть во вторую часть книги, чтобы легко найти ответы и во всём разобраться.

Честно предупреждаю: не делай этого, только зря потеряешь время.

Если ты откроешь вторую часть раньше времени, ты не найдёшь там готовых разгадок. Ты рискуешь не понять, что и откуда взялось. Для неподготовленного читателя финал покажется лишь набором красивых, но непонятных спецэффектов.

Здесь нет лёгких ответов, которые можно подсмотреть в конце. Этот хронологический пазл нужно прожить целиком, с самого начала.

Так что бери кубик, бросай его и давай проверим, с какой точки начнётся твоё путешествие. Игра началась!

БРОСИТЬ КУБИК !

Глава 1. Сон после прогулки

Сейчас, спустя почти тридцать лет, я часто вспоминаю, каким теплым, приятным и спокойным выдался тот июльский день. Не душным, а мягким, солнечным. Наша прогулка в летнем парке была легка и непринужденна. В такие минуты кажется, что впереди еще целое лето, да и вся жизнь, особенно когда тебе всего одиннадцать лет. Мы просто гуляли вдвоем: я и мой отец. Не ходили «по делам», а просто шли, разговаривали, наслаждались солнцем, зеленью деревьев и свежестью большого водоема, на котором примерно полчаса покатались в лодке. Я впервые греб вёслами, и у меня даже получилось сдвинуть нас с места. Вода в озере была цвета неба, но если присмотреться, то вся она была в микроскопических зеленых точках – водорослях – сказал папа. Я толкал лодку веслами от себя и смотрел на берег, от которого мы отплыли. Там маленькие утята щипали траву, а их мама-утка заботливо за ними приглядывала. Наша лодка плыла то и дело, покачиваясь влево и вправо постепенно удаляясь от берега, а в легких волнах поблескивало солнце. Действительно, это оказалось проще, чем я думал вначале, и совсем не страшно.

Те первые месяцы лета девяносто шестого года были невероятно сложными, совсем не таким, как прошлые годы. Даже мне, одиннадцатилетнему, было с чем сравнить. Уже несколько месяцев я то и дело слышал разговоры старших о том, что ровно век назад людям в нашей стране тоже пришлось нелегко. Но теперь все кругом твердили, что стоит лишь немного подождать, перетерпеть, и совсем скоро станет полегче. Эти слова надежды я ловил повсюду: от родителей, от стариков на скамейках и даже от своих сверстников. Тогда я еще не думал о глобальных переменах, видя определенные последствия, я просто продолжал жить. И наслаждался теплой летней погодой, солнечным светом и природой парка. Поразительно: начиная этот рассказ, я словно наяву переносусь назад во времени. Все те детские ощущения, мысли и образы мгновенно всплывают в моей памяти, возвращая меня в ушедшее детство.

Через полтора месяца, когда начнется осень, я пойду в школу. Я планирую свой следующий год потратить на изучение устаревших навыков: письмо от руки, вычисления в уме и на бумаге, рисование: карандашом, кистью, мелками. Каждая школа, судя по рассказам, будет проводить обучение таким предметам (которые внезапно стали актуальными) по собственной программе, которую разрабатывают учителя за время наших каникул.

Я слышал и от людей постарше и от совсем старых родственников, что, несмотря на текущие события, в их пору было также. Всем интересно играть с артефактами из прошлых эпох. Так они в детстве мастерили себе лук и стрелы из веток деревьев, играя в индейцев, хотя им были доступны более современные развлечения, кто-то даже мастерил себе доспехи и мечи для игры в средневековых рыцарей, а кто-то играл в пиратов или в войнушки из ушедших эпох.

Неторопливо мы шли по вымощенной дорожке, а над горизонтом поднимались пушистые облака причудливых форм. Небо постепенно приобретало золотистый оттенок. Лучи закатного солнца нежно освещали теплом зелень раскидистых деревьев, которым было уже почти сто лет. Легкий ветерок слегка колыхал их листья, отчего на земле тени замысловато играли вперемешку с солнечными бликами. Жизнь вокруг текла своим чередом: кто-то кормил уток в озере, кто-то сидел на ковриках, любуясь закатом, а кто-то неспешно совершал вечернюю пробежку.

Захотелось пить, и мы пошли к питьевым фонтанчикам. Вдруг нас обогнали мальчишки на велосипедах. С покрасневшими щеками, на ходу бросая свои маг-байки и наперебой крича: «Я первый!», «Нет, я!», они облепили краны. Ребята жадно пили прохладную воду, не забывая зажимать фонтанчики пальцами, чтобы с хохотом обрызгать друг друга. Они были примерно моего возраста. Их заливистый смех давал надежду на то, что мы обязательно найдем, чем занять свое свободное время. Мы дети и можем найти игру в любых, казалось бы,

самых обыкновенных вещах. Я побежал к ним – отец не был против. И вот нас уже четверо: мы весело пьем, дурачимся и брызгаемся прозрачной водой, а брызги от неё рожают радугу.

Я пишу эти строки, и на сердце приятной негой растекается счастье. Я словно слышу звуки парка в том далеком детстве, ощущаю ароматы попкорна и вареной кукурузы, которые мне тогда были совершенно не интересны, но пропитали мои воспоминания настолько, что теперь я бы с радостью вновь в них растворился. Думаю, возможно, именно такие моменты и формируют в нас человечность, наши лучшие проявления.

Спустя пару минут искренней радости я снял свою насквозь промокшую футболку, и папа выжал её, чтобы сохла быстрее. Я накинул клетчатую рубашку – она была завязана у меня на поясе и практически не намокла. С разрешения одного из мальчишек я взял велосипед и попробовал прокатиться. Почти получилось! Папа вовремя придержал меня за руль и спас от падения. Было весело и совсем не страшно. А что самое интересное, этому велосипеду не нужно было электричество, чтобы двигаться, я своими ногами крутил педали и заставлял вращаться колеса и мчать вперед!

Мы с папой договорились: через пару месяцев, если я хорошо начну учёбу в школе по новым предметам, такой же велосипед появится и у меня! А пока будем ходить в парк и брать их на прокат.

Отец напомнил мне, что дома нас ждет ужин и стоит потихоньку направляться обратно домой, ведь мама, наверное, нас уже потеряла. Мы ушли еще в полдень, а уже совсем скоро стемнеет. Часов на руках у нас не было: вся электроника сгорела, а механических приборов почти ни у кого не осталось. Лично я даже не представлял, как можно разбираться в этих стрелках и понимать, который час. Папа сказал, что сейчас примерно девять вечера. Обычно в это время года темнеть начинает в половине десятого, и солнце уже совсем близко к горизонту. И действительно, оно спряталось за красивым облаком, по небу расплылись золотистые лучи, удлиняя тени, и я понимал: скоро солнце совсем скроется и настанет ночь.

Я попросил папу еще немного задержаться, чтобы мы успели посмотреть на звезду. «Сегодня облака не помещают. Скоро её станет видно, вот-вот солнце скроется.» – с надеждой сказал я. Отец согласился. Мы сели на дощатую скамейку, выкрашенную в темно-коричневый цвет, папа читал свой журнал, а я смотрел, как тает закат, как пробивающиеся сквозь тучи лучи солнца выглядят живой картиной, и наблюдал за полетом птиц по постепенно темнеющему небу.

И вот, пока еще толком не стемнело и ни одной маленькой звездочки не было видно, я водил взглядом по небу, пытаюсь понять: где же появится она? Наконец проступили первые робкие огоньки. Папа подсказал: «Посмотри вон там, где высокий дом, чуть правее, прямо над горизонтом. Если приглядишься, то увидишь.» И действительно, стоило слегка прищуриться и взглянуть в ту точку, куда указал отец, как я стал различать её прекрасный силуэт.

Она была похожа на цветок. Я бы сравнил её с розой, которая, отцветая, начала раскрывать свои лепестки. (Возможно, сейчас бы я её сравнил с иным цветком, но тогда, в детстве, именно такая ассоциация первой пришла в голову и закрепилась на годы вперед).

Столь хрупкая и, как сказал папа, недолговечная – бывшая звезда HD 46150 расцветала бутоном, медленно выводя сказочную точку в нашей прогулке. На темнеющем вечернем небе она сияла пронзительным бело-голубым светом, подсвечивая изнутри сами лепестки туманности Розетка. Немного тусклее, чем в первые две недели, но это ядро гиперновой всё еще было отчетливо различимым и удивительно ярким.

Космический взрыв казался ненастоящим, слишком величественным для нашего города. Лепестки этой огненной розы медленно раздвигали ночную тьму, окрашивая края редких облаков в болезненный, неестественный оттенок. Папа рассказывал, что звезда в сердце Розетки умерла, переродившись в гиперновую, но в моем понимании это было рождением чего-то совершенно нового, чем просто эволюция далекого светила. Свет звезды падал на кирпичные

стены старых многоэтажек, и в этом сиянии привычные дома выглядели чужими, словно декорации к фантастическому фильму. Мне думалось о том, что этот серебристый поток летит сквозь пустоту прямо к нам, заглядывает в окна остывших квартир и беззвучно меняет судьбы людей. Земля под нашими ногами оставалась прежней, но небо над нами безвозвратно изменилось. В то время было стойкая уверенность в том, что этот космический пожар отменил наше цифровое будущее, заставив взрослых вспомнить забытые навыки, а нас, детей, научил смотреть не в экраны телефонов, а вверх, в бесконечную глубину вселенной.

Я запомню этот момент и буду вспоминать его, когда стану взрослым. Может быть, я даже напишу про неё книгу. Жаль, что я не умею рисовать картины, и очень жаль, что не работает ни одна фотокамера, а устаревшие пленочные фотоаппараты остались лишь у коллекционеров. Надеюсь, кто-то обязательно запечатлеет этот тающий в небе цветок, пока он совсем не исчез. Я смотрю ввысь, закрываю и открываю глаза – пытаюсь хотя бы таким способом её запомнить, сделать снимок в памяти. Я так увлекся небом, что даже не заметил, как папа на минуту отошел. И вот он вернулся, протягивая мне кусочек белого мела. Им я потом долго и старательно пытался нарисовать нашу розу на асфальте уже в сумерках.

Мой отец не сказал ни одного плохого слова в ее адрес, хотя все вокруг принялись ругать звезду, как только она зажглась на дневном небе после яркой вспышки 12 мая 2096 года.

Казалось, Земля была готова.

Все ждали именно той минуты, той секунды – 12:35:58, когда она должна была показаться. В это время в небе не летали самолеты, по железным дорогам не шли поезда, а в море не выходили корабли. Это было захватывающее зрелище.

Помню, я сидел на предпоследнем занятии по нейрорисованию, как вдруг в классе стало так светло, как будто за окном вспыхнуло второе солнце или, как минимум, прямо в кабинет направили мощный прожектор. Это не был привычный солнечный свет – всё вокруг залило резким и холодным сиянием, от которого на стенах кабинета мгновенно исчезли тени. Воздух за окном словно потерял прозрачность, став густым и ослепительно белым. Мы подбежали к стеклу. Весь горизонт на северо-западе внезапно вспыхнул ядовито-зеленым и фиолетовым светом, словно неоновые огни. Это свечение будто волнами поползло вверх, окрашивая пушистые полуденные облака изнутри и лишая их красок. Солнечный свет смешался с этой бурей, превращая привычные вещи в безмолвные декорации. Учитель громко попросил нас сесть на свои места и нажал на кнопку закрытия рулонных штор.

Казалось, эта тонкая тканевая преграда полностью огородила класс от пугающих красок. Но буквально под конец урока что-то произошло. В один миг сломались все электронные приборы и интерфейсы в кабинете. Из колонок учительского терминала и динамиков наших персональных планшетов раздался жуткий, утробный звук. Он вообще не походил на обычный шум от радиопомех. Это был странный низкий и вибрирующий гул, он давил на уши, и даже на грудь, перерастая словно в крик ужасно огромного монстра. Кто-то потом сказал, что слышал в этом подобии крика какие-то фразы, буквы, слова. Не знаю, я этого не слышал, на меня словно зарычал гигантский динозавр, от которого дыхание перехватило. И хотя длился этот звук всего несколько секунд, мы в ужасе закрыли уши руками, а затем всё резко оборвалось.

Мне показалось, что вместе с этим звуком по классу пронеслась какая-то воздушная волна (как оказалось, её я ощутил единственным в классе). Движение воздуха не походило на обычный сквозняк из окна, скорее напоминало невидимый толчок, который и задел меня и одновременно прошел насквозь. В этот момент в горле немного запершило. Показалось, что пахнет так, как бывает после грозы, но с примесью едкого сладкого запаха горелого пластика. Так могли бы пахнуть музейные экспонаты, которые уже давно не в ходу, если бы их зачем-то попытались включить в розетку. Эта волна и запах ушли ровно в тот момент, когда наступил внезапный звуковой вакуум, который пугал сильнее этого шипения. В один миг исчез привычный фоновый гул. Навсегда.

Гул, который сопровождал нас с самого рождения (тихий шелест вентиляционных систем, писк беспроводных зарядок, далекое жужжание дронов-доставщиков за окном). Город будто онемел, лишившись своего цифрового дыхания. На моем учебном планшете, который еще секунду назад светился яркими иконками интерфейса, проступило мое собственное испуганное отражение. Экран превратился в холодный кусок темного пластика. Я нажимал на сенсорную панель, удерживал кнопку перезапуска, но прибор не реагировал на тепло пальцев. Умное стекло классной доски подернулось серой рябью, выдало короткую системную строку на незнакомом техническом языке и погасло навсегда. Вокруг меня одноклассники точно так же растерянно стучали по своим мертвым гаджетам, и в этой тишине отчетливо слышался только сухой пластиковый стук. Мы внезапно поняли, что остались один на один с пустой комнатой, где больше не было подсказок виртуального ассистента.

Спустя десятки лет, я иногда вспоминаю наши уроки. Нейрорисование, как и все прочие технические достижения, казалось нам чем-то совершенно обычным, хоть и увлекательным занятием. Это сейчас понимаешь, какое это было чудо, а тогда мы просто напяливали на голову эти легкие обручи с датчиками, закрывали глаза, а дальше машина сама ловила мысли и образы, превращая их в картину. Нам не требовалось возиться с кисточками, краской или карандашами. Просто придумываешь сюжет (я, например, любил представлять чаепитие лесных зверей, которые оставались животными, но вели себя как люди), и нейросеть тут же выводила на экран готовый результат. Причем машина сама добавляла кучу классных деталей: прорисовывала шерстинки, падающие листья, солнечные лучи сквозь ветки. Она как будто угадывала, чего ты хочешь, и даже цвет меняла, если настроение вдруг скакало в процессе (одно из правил урока как раз заключалось в сохранении настроения и контроле эмоций, иначе холст мог испортиться).

После того шока технологии вновь ушли далеко вперед и даже в чем-то обошли прежние наработки. Но той легкой простоты визуализации образов уже не вернуть. Кто знает, может быть наши дети или внуки смогут так же, как я в школе, рисовать силой мысли. Нынешний мир устроен куда жестче и суровее. А в тот день, двенадцатого мая, мы переходили от детского творчества к более сложным композициям с использованием геометрии и перспективы. Мне нравился мой набросок: я создавал барабан с пятью или семью отсеками, в которые помещал различные геометрические фигуры. В общем, сказать проще, чем такое «нарисовать», но эту схему я показать не в силах. Она осталась где-то там, по ту сторону от событий того дня.

Когда я шел из школы домой – занятия сразу отменили, – то видел в небе несколько падающих звезд, оставлявших за собой яркие, светящиеся хвосты. Они, словно сигнальные огни, окрашивали майский дневной небосвод полосками, одна за другой. Позже от папы, который через час запыхавшись прибежал домой, я узнал, что это сгорали орбитальные спутники, сошедшие со своих траекторий из-за внезапного отказа навигации. Космическая сеть, которую человечество настраивало годами, умерла в одночасье и продолжала осыпать планету своими светящимися обломками еще несколько месяцев, правда, не с такой интенсивностью.

Хотя моя школа находилась совсем недалеко от дома, я успел в полной мере застать тот хаос, который творился вокруг. Привычный мир разваливался на ходу. Наш школьный водитель то хлопал дверью, которая не хотела закрываться, то стучал по капоту машины, будто пытаясь оживить ее двигатель или бортовой компьютер. Автобус замер, преградив въезд в школьный двор. Повсюду на тротуарах и газонах лежали обломки упавших с неба небольших дронов-доставщиков. Мне они напоминали упавших на спину жуков. На мгновение показалось, что я слышу от них привычное тихое жужжание, но я тут же понял: это была лишь иллюзия, фантомный звук, который я услышал не ушами, а своими мыслями, взглянув в их сторону. Мой разум, привыкший к ежеминутному цифровому шуму с самого рождения, просто был не готов к этому безмолвию техники.

Жути добавляли и «умершие улицы». Все рекламные голограммы, которые раньше круглосуточно парили над головой, подмигивали и оглушали нас яркой рекламой, исчезли в одно мгновение. Город напоминал общипанную птицу, с которой сняли все перья (весь тот глянец и лоск), оставив лишь бетон и асфальт. Люди вокруг вели себя странно: прохожие растерянно перекрикивались, то и дело проверяя свои карманные устройства. У кого-то, похоже, сломался слуховой аппарат, из-за чего человек просто кричал посреди толпы с дикими, полными ужаса глазами. Я побежал домой, не в силах выносить все это.

Подняться на лифте я даже не рассчитывал, видя по пути смерть техники, на наш этаж я добежал на своих двух, иногда перепрыгивая через две ступени. Сердце стучало в висках, резкая физическая активность и окутывающий страх выбрали выход – беги изо всех сил. Панель распознавания жильцов не работала, я забарабанил по двери изо всех сил, и дверь открыла мама.

Глупо было надеяться на то, что дома будет всё по-другому, но ведь ребенок по-другому не может. Мама растерянно сообщила, что вся наша техника – холодильник, чайник, электроплита, стиральная машина, умные роботы-помощники и даже устройства для сна и отдыха – просто перестали работать. Она стояла посреди кухни, опустив руки, и смотрела то на меня, то на погасший сенсорный экран мультиварки. Наш домашний андроид-уборщик уснул навсегда в полусогнутой позе. Холодильник больше не издавал привычного урчания, и через пару часов из него медленно, каплей за каплей, на пол начала просачиваться вода от тающего льда. Весь тот ставший обыденным быт, рассыпался за секунды, оставив нас во внезапно замершей квартире.

Шагнув в свой прежний островок стабильности, я окончательно осознал масштаб случившегося, поскольку и его накрыла волна изменений. Не могу подобрать сравнения тому ощущению. Возможно, пусть и в меньшем масштабе это похоже на наводнение, которое не просто смывает целые города, а еще оставляет после себя грязь, ил, и стойкий запах сырости. Я смотрел вокруг и понимал – буквально всё, что меня развлекало, все, над чем я долго и увлеченно работал в виртуальном пространстве (я строил свой виртуальный город, точно такой же, как наш, но без рекламы, вывесок и навязчивой техники), как и всё прочее было утрачено. Мой детский разум отказывался принимать реальность.

Поначалу приходилось сложнее всего, но с каждым прожитым днем в измененном мире я все дальше отбрасывал мысль, дарившую слабую надежду: «это всего лишь кошмарный сон». В те дни мне помогала мысль, будто этот идеальный, чистый город не исчез в никуда, а остался жить где-то там, за черным стеклом отключенного монитора, а я просто потерял к нему ключ.

Мой младший братик все это время мирно спал. Казалось, что его не только не коснулись глобальные события, но и именно ему легче всего будет жить в новой реальности (ему не придется отказываться от прежней жизни и приспосабливаться к новой). Он обычно просыпался от дневного сна часам к трем, как раз, когда я возвращался из школы, так что время шло своим чередом. Что до нас с мамой, то мы пробовали включить и выключить рубильник электропитания в коридоре туда-обратно несколько раз, запустить приборы, работающие на аккумуляторах, но все попытки были тщетными.

Спустя примерно час с работы прибежал запыхавшийся отец. Его белая рубашка от пота прилипла к телу. Увидев нас, он немного сторбился и положил ладони себе на колени, перевел дух и сказал: «Слава Богу! Вы дома, и всё в порядке». Достал из рюкзака сверток: «Вот нам на сегодня обед». В свертке лежали сэндвичи и нарезанные овощи. Мама улыбнулась и сказала: «Спасибо, Саша, ты заботливый, но у нас в холодильнике была еда, голодными бы не остались» (и открыла дверь холодильника, из морозильной камеры которого ручьем потекла вода на пол). Эта немая и нелепая сцена почему-то нас всех рассмешила. От смеха проснулся братик, и мама поспешила к нему в детскую.

Почти за сто двадцать лет с того момента, как начались сильные вспышки на нашем Солнце – которые примерно до две тысячи двадцать седьмого года постоянно создавали проблемы с электроникой, – ученые смогли разработать и постепенно внедрить такие микросхемы и чипы, которым уже ни одна вспышка не смогла бы навредить. Все электростанции были оснащены активной защитой от заряженных частиц, атакующих нашу планету. Предполагалось, что взрыв далекой звезды в созвездии Единорога не причинит нам вреда, а лишь создаст красивый рисунок в небе на пару месяцев. Но это оказалось заблуждением. Как позже объяснил папа, пришли совсем другие волны, иная частота, иное излучение, которое достигло нас со скоростью, почти равной скорости света, и каким-то непонятным чудом, которое ученые пока не разгадали, нам очень крупно повезло (говоря это, папа, погладил меня по голове со словами: но ты не переживай, наша семья все равно бы не пострадала, и мы бы нашли выход из любой ситуации). Об этом писали в газетах и журналах, оттиснутых на оживших древних машинах, которые вновь стали актуальными на этот, пусть и короткий, но сложный аналоговый период общества.

Первое время было нелегко. Школа закрылась на летние каникулы раньше времени, папин автомобиль остался обездвиженным далеко от дома, и теперь добираться на работу ему стало очень сложно. Хотя расстояние составляло всего пять километров, каждый день он приходил домой уставшим, хотя нам говорил: «прогулялся на славу, воздухом подышал». Маме же пришлось достать книгу рецептов своей бабушки и купить где-то на барахолке газовую плитку, на которой она впервые в жизни училась готовить. Ей помогала моя тётя – её старшая сестра, которая часто проводила время в деревне и отлично разбиралась в таких устаревших приборах. Стоили в ту пору эти плитки очень дорого и их было крайне сложно достать.

В первые две недели я просто не знал, чем себя занять. Мой персональный экран, с которым я не расставался ни днем, ни ночью, стал лишь подставкой под кружку. Ни тебе роликов, ни игр с дополненной реальностью, ни общения в сети. Для меня это было похоже на смерть лучшего друга. Ведь он больше не подбодрит после тяжелого дня в школе, не замотивирует сделать зарядку. А это было так интересно и полезно: голограмма помогала совершать правильные движения, подбадривала. Еще я больше не мог созваниваться с приятелями и играть в футбол по сети. Но мы быстро перешли на живое общение. Оказалось, что и без голограмм можно весело проводить время, только для этого приходится собираться вместе. И несмотря на то, что живем мы не так близко друг к другу, каждый день встречаемся во дворе школы и играем там.

Дней через двадцать после того самого урока в школе папа принес домой чудесный отголосок ушедшей эпохи – настоящую бумажную газету! Я немного испачкался темно-серой краской, но легко смыл эти следы в нашей ванной при помощи обычного мыла. Благо именно в тот день наконец-то запустили холодную воду (хоть и слабым напором). О горячей пока и речи не было.

Запах газеты оказался для меня совершенно новым, интригующим. Все редкие бумажные документы, которые мне доводилось держать в руках раньше, пахли совершенно иначе, а тут проступил такой резкий, но вовсе не противный аромат: что-то вроде смеси сырой тряпки, смазки от петель школьных ворот с легкой примесью гари.

Первые газеты были напечатаны на грубой, серой оборотной стороне складских бланков, или на рыхлой бежевой упаковочной бумаге, но они несли в себе главное – информацию, отсутствие которой мы воспринимали как вакуум космоса. Постепенно бумага становилась более гладкой и однотонной, а краска – менее маркой и липкой.

Эти буквы, которые не подсвечивались, не увеличивались, и не двигались сами перед глазами, а оставались неподвижными, первое время воспринимались очень тяжело. К тому же, информация была какой-то обобщенной, не настроенной конкретно под меня. Читая поначалу всё подряд, я очень плохо улавливал суть.

Из газет мы узнавали все новости, инструкции по выживанию в новом мире, расположение пунктов выдачи припасов и адреса уцелевших медицинских пунктов. Очень запомнились самые первые газеты, они содержали в себе главное – объяснение того, что и почему произошло. И обещания того, что мы не останемся в каменном веке и скоро всё будет восстановлено.

В ту пору я не особо интересовался природой явления, мне хватило тех первых слов от отца о событии, поэтому никакой новой информации из прессы для себя не вычитывал. Но мне очень понравилась колонка с анекдотами на предпоследней странице и кроссворд на последней. Эти блоки появились относительно недавно, в конце июня. Мама научила меня правилам разгадывания слов, и я втянулся: было увлекательно, сложно, и это затягивало. Я ждал каждый новый выпуск именно ради тех двух притягательных страниц.

Каждая новая газета становилась событием не только для нашей семьи, но и для целого дома! Взрослые собирались группами во дворе, и кто-то один читал статьи вслух для остальных, обсуждали прочитанное и обменивались мнениями.

Все наши бытовые сложности были несравнимы с трагедией людей, у которых в один миг отказали бионические сердца – они погибали практически мгновенно. Те, у кого внутри работали другие жизненно важные органы, вроде искусственных легких или почек, тоже не продержались долго. Разумеется, те, кто просто модернизировал свое тело ради силы мышц или вживлял чипы для лучшего взаимодействия с техникой, смогли адаптироваться и жить дальше. Очень тяжело пришлось тем, кому искусственные глаза и уши позволяли видеть и слышать, и теперь у них это в миг отняла вспышка.

Я больше не увидел некоторых своих соседей, их окна оставались открытыми, но звуки оттуда больше не доносились на улицу. Было тяжело наблюдать, как внезапно ослепшие знакомые учились ходить при помощи трости, либо поддерживаемые под руки соседями, с которыми прежде они даже не здоровались. Их неоновые глаза теперь блекло отсвечивали дневной свет, словно стекляшки.

Теперь мне понятно, что паралич техники принес много мучительных смертей, но одновременно уберег выживших от всеобщей паники. Ни сирен спасателей, ни громкоговорителей, предупреждающих о масштабах этой трагедии, мы не слышали.

Этот изменившийся мир в первые часы, дни и недели после трагедии запомнился тишиной: и не только технологической. Люди старались передвигаться медленно, не шуметь, а на улицах разговаривали шепотом, словно боясь потревожить тех, кто оставался в беззвучных окнах.

Оглядываясь назад из своего взрослого настоящего, я ловлю себя на пугающей мысли: я больше не ужасаюсь всему этому. Время сгладило углы, превратив чужую боль в страницы из учебника истории. Я словно читаю их в своей памяти почти отстраненно. Но тогда, в детстве, меня накрывал первобытный, сковывающий страх от осознания человеческой трагедии, которая разворачивалась совсем рядом, буквально за соседней дверью. Я до дрожи в коленях боялся идти по подъезду, ведь нельзя было понять, уехали ли люди из квартир, или они стали для них последним пристанищем. Апатия, грусть, страх, отчаянье, всё разом нахлынуло в момент прибытия первых тяжелых грузовых машин, которые в первые недели заволокли наши дворы. Хмурые военные вручную грузили в них то, что осталось от бионических систем вместе с их несчастными хозяевами, и увозили куда-то далеко за город. Этот детский ужас перед внезапной смертью, которая ходила по лестничным клеткам нашего подъезда, я не забуду никогда.

Несмотря на ограниченные запасы ресурсов в самом начале новой жизни, в то время, когда все умные системы больше не следили за соблюдением законов и правил, мы не столкнулись ни с мародёрством, ни с ростом преступности. Хочется верить, что дело было не в том, что люди просто отвыкли от преступлений, а в том, что это были искренние поддержка и взаимопомощь, которые и помогли пережить самый сложный – переломный этап.

Постепенно гнетущее траурное настроение постепенно сменялось надеждой. Помню, как в начале той недели временные лари с сухим льдом в магазинах наконец-то стали ненужными. Электричество в холодильные камеры вернули почти одновременно с поликлиниками, аптеками и полицейскими участками. Взрослые говорили, что скоро возобновятся электронные платежи и бумажные талоны на продукты уйдут в прошлое. Для этого всем обещали выдать какие-то карточки. Дома папа объяснял, что те старые устройства, которые массово везут в магазины, технически не позволяют платить по отпечаткам пальцев или сканированию глаза. Их смогли быстро восстановить из складских остатков: схемы и проводники, которые в них использовались, были простыми, а кнопки – обычные механические, поэтому они заработали первыми. К осени свет обещали дать и во все жилые дома, а с ним и горячую воду.

Об этих сложностях я тогда не разговаривал с родителями. Я видел, как им тяжело, хотя они прекрасно справлялись и, наоборот, изо всех сил пытались подбодрить меня, увлечь чем-то полезным. Я не задавал лишних вопросов – просто наблюдал, впитывал разговоры отца с мамой, прислушивался к соседям и случайным людям на улице. Никогда прежде я видел столько людей во дворах, как этим летом. Все как-то разом стали более открытыми, общительными и искренне старались помочь друг другу – кто советом, кто делом. Хочется верить, что, когда в их квартиры вернутся кондиционеры и вентиляция, они не забудут своих новых привычек: быть во дворе, как в большой гостиной для всего дома.

А сейчас, в этот приятный момент, в теплый июльский вечер я сижу рядом со своим отцом, и мы смотрим на прекрасную розу размером чуть больше луны, очертания которой становятся тем заметнее, чем ниже солнце скрывается за горизонтом.

– Папа, а давай с тобой посадим в саду розы? Они такие красивые, и маме будет приятно... – сказал я по дороге домой.

– Так и сделаем, – ответил отец.

Мама встретила нас на пороге. Мы вкусно поужинали. Мой маленький братик мирно спал в кроватке, и наши тихие разговоры под шум ложек никак ему не мешали. Вот уже месяц, как мы сняли со стены огромный погасший экран (он лишь занимал место и напоминал о плохом), зато теперь там висели картины. Взрослые говорили, что скоро начнут восстанавливать технику: вернуться телевизоры, компьютеры и умные помощники, и нам вновь не придется тратить время на уборку или приготовление еды. Вот только фабрики пока не успели произвести нужное количество чипов и схем, которых хватило бы на всех.

Ну а пока этого не случилось, после ужина я ушел в свою комнату. В темной спальне я специально не занавешивал шторы. Стоя у окна провожал взглядом верхние лепестки звезды, которые уже совсем скоро скроются за горизонтом. Вечером она была столь прекрасна и ярка! Говорят, что поздней осенью и зимой в безлунную ночь она раскроется максимально красиво, и её бело-голубое ядро в облаках пыли и газа будет всю ночь сиять глубокими красновато-розовыми оттенками, разворачивая на фоне черного неба и маленьких мерцающих звезд настоящие огненные лепестки.

Обычно мои сны бывали тревожными, иногда даже очень страшными. Но сегодня мне снились волшебные миры, где вместо солнца светили огромные цветы, а под ногами стелилась мягкая пушистая трава. Я шел по ней, наслаждаясь приятным теплом, как вдруг трава легонько укусила меня за большой палец. С коротким криком «Ай!» я проснулся. В ногах сидел мой любимый пушистый кот. Видимо, я разбудил его, двигая ногами во сне, в ответ на что он, шутя меня цапнул.

За окном начинался еще один летний день – уже не такой солнечный, как вчера, но я точно знал: за любыми облаками всегда есть солнце, звезды и, конечно же, она – угасающая космическая роза моего детства.

Глава 2. Миссия

В один момент, раз и словно отрезало: тяжелый, навязчивый гул в голове резко прекратился. Казалось, этот шум длился целую вечность. Это был дурной сон? Или я перебрал с алкоголем?

Силясь открыть глаза, я понимаю, что нахожусь не в своей спальне. А где же я? Обзор искажает мне... какой-то купол, он слишком близко, наверное, сантиметров десять надо мной. Присматриваюсь и фокусируюсь, но это дается с трудом, всё вокруг плывет, как в тумане.

Пробую повернуть голову, поднять руку, хотя бы разомкнуть губы. Безрезультатно, лежу абсолютно неподвижно и безмолвно. Это состояние очень напоминает сонный паралич. То чувство, когда открываешь глаза после пробуждения, но тело еще не проснулось, а в темноте мерещатся ужасные образы и звуки... и сам ты скован по рукам и ногам, не в силах позвать на помощь или хотя бы укрыться одеялом с головой. Одновременно с попытками вернуть подвижность телу, я восстанавливаю из крупиц воспоминаний общую картину произошедшего. Сознание возвращается: я вспоминаю, кто я, где нахожусь и, главное, почему. Я доброволец, который решился в одиночку отправиться в стодневную экспедицию на Марс. Я первопроходец, новый Юрий Гагарин, если хотите, первооткрыватель.

Неприятное ощущение... но нет, не верно. Ощущений нет никаких, мое тело полностью лишилось чувствительности. Становится по-настоящему страшно. Что, если во сне я получил травму? Например, корабль тряхнуло на вираже, мое расслабленное тело качнулось, я ударился головой о купол капсулы и сломал шею? И теперь всё, что мне остается – лишь неподвижно лежать до конца дней?

Стараюсь отогнать эти мысли. Убеждаю себя, что это всего лишь побочное действие препарата, введенного для погружения в анабиоз. Говорю себе: скоро должно пройти. Но как скоро?

Воспоминания уже полностью вернулись. Я отчетливо помню заголовки новостей: Дирекция N-Space Initiative заплатит огромные деньги тому, кто согласится в одиночку, первым из землян, своими глазами увидеть марсианские пейзажи и ступить на поверхность новой планеты. И да, я тот самый счастливчик, который не побоялся поучаствовать в этом опасном эксперименте. Риски были колоссальными, но вознаграждение (если забыть о деньгах) стоило того – мое имя навсегда попадет в учебники истории! Конкурс был жестким, но я оказался лучшим, ведь именно я, а не остальные пятьдесят три кандидата, сейчас нахожусь здесь.

Капсула замигала мягким зеленым светом. Из скрытых динамиков донесся ровный электронный голос, сообщающий о начале гравитационного захвата планеты и штатной работе всех систем. Метеоусловия позволяли совершить мягкую посадку. К языку наконец вернулась чувствительность.

– Борт! – скомандовал я, вспоминая заученные на Земле протоколы общения с искусственным интеллектом.

Из динамиков раздался спокойный, мужской голос. Тон Борта был мягким, но пугающе твердым:

– Слушаю.

– Почему я не могу пошевелиться? Я вообще не чувствую тела, у меня паника.

– Модуль сознания не подключен к оболочке, – баритон Борта обволакивал, усыпляя бдительность. – До момента стыковки посадочного модуля с марсианской базой рекомендуется оставаться в статичном режиме. Не волнуйтесь и засыпайте. Я сделаю всю работу сам.

– Но я не хочу спа...

Договорить я не успел. В голову снова ударил шум (на этот раз короткий, хлесткий) и сознание выключилось. Вторично прийти в себя оказалось проще, мысли больше не плыли.

– Ваш полет завершен, стыковка с базой произведена успешно, – Борт возник в ушах без предупреждения. – Хотите услышать короткий отчет о посадке, чтобы скрасить время ожидания подключения к оболочке?

– Оболочке? – я мысленно зацепился за странное слово. – Ну ладно, давай рассказывай.

– Наш полет завершился спустя двести шестьдесят семь земных дней с момента отправки судна с мыса Канаверал 23 декабря 2026 года. Корабль двигался по эллиптической траектории, нештатные ситуации за время пути отсутствовали. После удачного гравитационного захвата была активирована программа торможения, и модуль совершил посадку на равнине Arcadia Planitia. За двадцать минут и четырнадцать секунд мы добрались до станции. В настоящее время системы работают исправно. До подключения сознания к системе управления оболочкой осталось десять секунд.

Только сейчас, лежа абсолютно беспомощно и безмолвно, я заиклился над одной мыслью, вспоминая странную деталь отбора. N-Space не смотрела на железное здоровье или физическую подготовку кандидатов. Главными критериями были идеальные психологические тесты и навыки долгого выживания в виртуальных пространствах – проще говоря им нужен был идеальный геймер, который может не только управляться с джойстиком, но и погружаться в виртуальные миры и управлять манипуляторами, словно своими руками. Теперь понятно, почему я обошел остальные пятьдесят три человека. Им не нужно было крепкое тело, им нужен был устойчивый разум, закаленный годами прохождения видеоигр.

Не произошло практически ничего сверхъестественного: ни вспышки, ни резкого разряда электричества, никакой вибрации. Просто спустя минуту я ощутил покалывание в подушечках пальцев, затем слабый ток побежал по бедрам, волна тепла разлилась по лодыжкам, вернулись ощущения лица и торса. Капсула медленно поднялась и повернулась на девяносто градусов, ставя меня на ноги. В этот момент я не ощущал тяжести своего тела, словно вновь пребывая в невесомости. Чувствительность возвращалась, но восприятия были новыми, чужими. Мои ноги будто не принадлежали мне. Не чувствую веса собственного тела. Или... что это, на что похожи мои ощущения? Иная гравитация, тут же понимаю я. Марс весил втрое меньше моей родной планеты.

– Всё готово к отстыковке, – произнес Борт своим спокойным, мягким, но твердым мужским голосом.

Когда я делал первые шаги, первой мыслью было, что мышцы за время гибернации атрофировались, и я непременно упаду. Я поднял правую руку, поднес её к глазам, и увидел тонкий защитный костюм. Явно не тот, в каком я и другие добровольцы тренировались на полигонах N-Space, и совсем не такой, какие показывают в фильмах. Внезапно озарило четкое понимание: это не скафандр. Это моя рука. Все сочленения и шарниры скрыты под герметичным защитным кожухом, чтобы марсианская пыль и грязь не забивались в механизмы во время работы вне базы. Моя рука металлическая, как у какого-то робота или манекена из краш-теста. Ощупываю себя, не в силах управлять наклоном головы. Подхожу, пока еще не так элегантно и быстро, на железных ногах к компьютеру.

Я машинально закричал:

– Борт! Включи фронтальную камеру.

На экране было не мое лицо, я увидел голову, мало отличающуюся от металлических пальцев. Значит первая мысль была верной: скафандра на мне нет. Что же я такое?

– Борт! Что происходит?! Что со мной сделали?! Что это?!

После того как я задал эти вопросы (то есть прокричал всё это вслух) казалось, что могу потерять сознание или начать задыхаться от нарастающей паники. И тут же понял, что этого не

произойдет. Мои бурные эмоции, порожденные чистым ужасом, начали очень быстро угасать. Но почему так происходит?

– Режим спокойствия активирован, – ответил Борт своим неизменно мягким, но твердым баритоном. – Присядьте. Несмотря на то, что вашей оболочке это не требуется, психике так будет проще.

И я подчинился. Не только потому, что испугался Борта, как строгого наставника или учителя, а потому, что не видел никаких логически обоснованных причин не подчиняться его требованию.

Присесть удалось не быстро и процесс этот со стороны, наверное, выглядел совсем не элегантно. Я не чувствовал пальцев, когда сжимал подлокотники кресла, не чувствовал контакт тела с креслом, когда в него садился. Но я справился, контролируя движения своими... оптическими модулями? Вспомнил, как в свое время делал нечто подобное в виртуальной игре, где на тело были надеты специальные контроллеры.

– Как указано в абзаце 15 пункта 3.76 контракта, который вы подписали до начала Миссии, я могу в любой момент подключаться к вам и корректировать ваши эмоции, управлять включением и выключением режима сна, а также выполнять иные технические функции. Напоминаю, что до прибытия следующей группы колонистов управление станцией остается за мной. Для связи со мной используйте голосовую команду «Борт». Сейчас я подключаюсь к вам и покажу всё, что вам необходимо знать на данном этапе для успешного начала Миссии. Это сэкономит время. Приготовьтесь к подключению. Внимание, данное предупреждение будет разовым, чтобы дать вам возможность подготовиться к процедуре интеграции.

И вот оно – подключение, которое я одновременно чувствую и не чувствую. Это похоже на глубокое погружение в виртуальную реальность, когда надеваешь VR-очки и наушники. Только теперь все слишком по-настоящему. Вот только эту реальность ты не проживаешь, а просто смотришь кино от первого лица. Своего лица. А сама картинка выглядит так, словно поставлена на паузу. Я вращаю головой налево, направо, и изображение поворачивается, но оно замерло.

– Всё готово, демонстрация начинается, – произносит Борт.

«10.12.2026». Обращаю внимание на дату, когда ставлю подпись на последней странице договора. Смотрю на часы – 14:05. Пожимаю руку мужчине в белом халате и в очках в широкой оправе. На его запястье блестят золотые часы, он явно нерядовой сотрудник. Затем прохожу в соседнюю комнату и ложусь на так называемую процедуру копирования сознания. Ученый выходит. Симпатичная девушка-ассистентка густо размазывает по моей голове вязкий гель. Я словно заново чувствую этот холод. Она надевает на меня шлем, вставляет катетер в вену на правой руке и улыбается: «Сейчас введу снотворное, досчитайте до десяти». В систему входит мутная жидкость из шприца. Я считаю вслух: «Раз, два, три, четыре...» В один момент я всё видел и понимал, а затем провалился в белый туман. Точнее, сам стал этим туманом. На этом личные воспоминания обрываются. Дальше я смотрю на себя со стороны, как в кино, через объектив камеры наблюдения. Вижу, как девушка снимает с меня шлем, вытирает мою голову белым полотенцем. Я встаю, обуваюсь, иду к выходу в сопровождении сотрудников. Кадр меняется. Я смотрю на себя прежнего в упор, словно в зеркало. И тот, из прошлого, говорит:

– Ты всё правильно понимаешь. Я – это ты. Мы и есть первооткрыватель. Однако вся работа будет сделана в самом безопасном для нас виде.

«Всё так логично и понятно», – снова ловлю себя на мысли, не встречая этому умозаключению никакого внутреннего сопротивления. Я человек. Вернее, мое сознание человеческое, а тело – антропоморфный робот. Железная машина, способная выдержать радиацию и вакуум. Ей не нужен кислород. «Прекрасно, что ученые смогли сохранить мои органы чувств», – успеваю подумать я.

Но я заблуждаюсь. Дотрагиваюсь одной рукой до другой. Металл трется о металл. Никакого отклика. Ни в левой ладони, ни в пальцах правой. Я могу этой плотью управлять, но не могу её чувствовать.

– Борт! Куда делись мои ощущения? Я же чувствовал покалывание в пальцах и тяжесть марсианской гравитации!

– Программа синтезировала эти сигналы. Ваше приветственное демо-ознакомление завершено. Дальнейшая симуляция чувств не предусмотрена спецификацией.

Эта машина, этот Борт, умеет доносить информацию так, что вопросы умирают сами собой. Внутри разливается ледяное, безапелляционное принятие. Да, это горько. Да, это, возможно, финал. Но я ничего не могу изменить. Остатки моей человечности сейчас на Земле. А здесь, на Марсе, они заблокированы.

Помню, в детстве многие мечтали стать роботами, как герои фантастических фильмов – суперполицейскими или несокрушимыми машинами из будущего. Реальность оказалась иной. Меня не покидают опасения, что я никогда не вернусь на Землю после обещанных ста дней марсианской смены. Кого, собственно, можно вернуть и в каком образе? Я нахожусь здесь, на чужой планете, пока мой биологический донор живет своей жизнью на Земле. Я лишь его цифровая тень, выполняющая за него всю грязную работу в космосе.

– Борт! Скажи, что будет со мной по завершении Миссии, когда эти сто дней истекнут?

– Ответ на данный вопрос содержится в пункте 7.4.2 закрытой части Контракта.

– Я эту часть не читал. Что со мной сделают после этого срока?

– Вы останетесь на планете, как подсобный инструмент для помощи новым колонистам.

Но и эти слова слышать мне было необязательно. Поняв, кем я стал фактически, я и сам догадался: я останусь здесь навсегда. В этот момент я ощущаю лишь удовлетворение от полученного ответа. Сожаление, гнев, апатию и иные эмоции Борт, отключил первым делом. Своего рода анестезия чувств, работает быстро и без побочных действий.

Всё-таки, полагаю, что со мной провернули какую-то махинацию. Я никогда так не думал и уж тем более не выражался вслух. Будто какой-то сухой канцелярский работник. Я знаю ругательства, знаю, где их применять, но... сама возможность быть «живым» и общаться более простым и человеческим языком, кажется, осталась на земле.

Вернемся к миссии. Выполнять её несложно, даже интересно. Мне всё дается легко. Главная задача Миссии – строительство базы из материалов и оборудования, которые ранее, еще до моего прибытия, были доставлены грузовыми кораблями.

Чем была станция в момент моего прибытия? Всего лишь центральным модулем – собранной на Земле кабиной в пятнадцать квадратных метров. И вот именно её переустройство и расширение до трехсот пятидесяти квадратов я и подписался выполнить. Удивительно, как много может сделать один человек, а точнее, копия человека, если он не чувствует усталости, а его сила сопоставима с силой муравья, способного перемещать предметы, масса которых многократно превосходит его собственную.

Эта работа, эта Миссия была единственным, что помогало мне не сойти с ума от отчаяния. От невозможности пользоваться прежними, оставленными на Земле органами чувств: вдыхать запахи, наслаждаться едой, пить воду. Я бесплотный дух, запертый внутри машины. Но я искусно научился ей управлять, а со временем, научился даже ощущать предметы и самого себя. Как объяснил Борт, мое сознание вместе с оболочкой полностью адаптировалось к сигналам встроенных сенсоров.

Вы видели закаты на Марсе? Думаю, да, на фотографиях с марсоходов. Разочарую, видеть своими... скажем, глазами, как поднимается пыль и древние песчинки начинают поблескивать в лучах далекого и холодного солнца, смотреть, как оно скрывается за горизонтом и как меняется цвет неба... и облака. Да, они тут есть, но такие неуловимые, такие невесомые, словно галлюцинация. Я мог видеть не только это, но и саму космическую радиацию. Мне она была не

страшна, временами, когда солнце было особенно активно, оптические модули «песочило», и эта зернистость могла бы помещать... если бы не встроенные системы стабилизации и улучшения картинки. Звуки. Звуки – это отдельная история. Тут в разряженной атмосфере они совсем другие. Даже акустика внутри станции совершенно другая, нежели она была бы на земле. Да, кислород в станцию пока не закачен, а зачем? Ни мне не Борту он совершенно не нужен.

За что я благодарен ученым, так это за возможность спать. Полноценный восьмичасовой сон – единственное, что спасает меня от безумия. Мой КПД важен для Миссии, и ученые сделали так, что всего одна минута реального времени воспринимается моим разумом как целая ночь отдыха. Возможно, они искусственно ускоряют работу моего сознания. Я не знаю точных алгоритмов, но это работает. И это позволяет выжить. Иногда закрадывается жуткая мысль: за девяносто пять дней на Марсе я спал всего девяносто пять минут.

Станцию для первых четырех колонистов – настоящих, живых людей – я построил строго в срок. В оставшиеся три дня под руководством Борты я подключил и протестировал все узлы жизнеобеспечения. Всё было готово.

За моей ежедневной стройкой наблюдал весь мир. Однако официально Земле докладывали, что работы ведет запрограммированный андроид под управлением продвинутого эй-джи-ай и под контролем командного центра. Важной частью моего Контракта была абсолютная секретность. Мне строго запрещалось раскрывать правду: что я человек, а не робот. В моменты прямых эфиров я старался действовать максимально механически, чтобы со стороны походить на бездушный автомат. Похоже на движение манекенов из клипа Хёрби Хэнкока «Рокит», забавно, у меня в голове легко включается эта музыка, или это осколки памяти? Понимаю, что при всем желании не сумел бы нарушить протокол. Стоило мне лишь задуматься о саботаже или намекнуть на свою человеческую природу, Борт мгновенно отправил бы меня в гибернацию.

Сохранять свою тайну я обязан до момента прибытия первых колонистов.

Если бы на моем месте был живой человек из плоти и крови, его бы разорвало от нахлынувших чувств. Но даже мне, оцифрованному разуму в стальной коробке, порой до боли хотелось просто крикнуть всему миру: «Привет, Земля! Я делаю важную работу! Посмотрите, как легко я vorочаю эти многотонные блоки! Посмотрите, на что способен человек!»

Иногда Борт отключал мое сознание от управления оболочкой. В эти минуты, или даже часы, мне оставалось лишь наблюдать, как машина выполняла рутинные задачи на автопилоте. При этом все её движения казались мне такими топорными, что я невольно усмехался. Разве поверит сторонний наблюдатель, что этот нерасторопный механизм воздвиг целую станцию за девяносто пять дней? Робот двигался подчеркнуто медленно: поднять, перенести, положить.

Для чего это делалось, мне не сообщалось, поскольку пункт 8.1.13 Контракта относил подобные алгоритмы к закрытой части соглашения. В такие моменты я мог просто наблюдать или играть в компьютерные игры, которые щедро загрузили в мою память. Интересный опыт: управлять знакомыми с детства героями силой мысли. Никакие джойстики и интерфейсы были не нужны.

И так, не много, не мало, а уже наступил сто первый день моей миссии по земным меркам. По условиям контракта именно в этот день я смогу связаться с Землей. Очень сильно ждал обещанного сеанса связи, можно сказать, что это то, чем я себя успокаивал с момента первого шага на чужой планете и до сего дня. Нестерпимо хотел увидеть лица своих близких. Нет, конечно, общаться с ними мне бы не дали, но бонусные условия за успешное выполнение миссии предполагают единичное подключение к трансляции, которая будет вестись через специальную камеру, установленную в очках моей земной версии во время праздничного ужина. Сегодня сочельник, и я предвкушаю возможность не только увидеть лицо своей жены и детей после столь долгой разлуки, но и погрузиться в атмосферу рождества, попытаться прикоснуться к празднику с расстояния примерно двести тридцать миллионов километров.

Итак, час связи. Борт запрашивает подключение. Мы ждем. Борт связывался с Землей и раньше, обычно соединение устанавливалось за две-три минуты. Однако спустя пять минут эфир оставался пуст. Вторая попытка тоже ни к чему не привела.

Попытка связаться с кораблем, несущим колонистов к Марсу, провалилась.

Прошли сутки полного молчания. Борт проводил диагностику программ, я проверял кабели и тестировал аппаратуру на обшивке модуля и внутри отсеков. Поломок не было. Линии связи оставались целыми. Получается, с нашей стороны сигнал уходил в космос беспрепятственно. Но почему тогда Земля молчит? Почему нет даже автоматического отклика?

Полагаю, а Борт подтверждает мои расчеты, что виной всему аномальная вспышка на Солнце, временно ослепившая ретрансляторы. Думаю, такую вероятность ученые просчитали заранее, потому что на этот случай существовал резервный протокол. К слову, его я и выполняю вот уже триста восьмидесятый день подряд. В общей сложности я на Марсе больше года и четырех месяцев. Триста восемьдесят дней абсолютного одиночества. Связи всё еще нет.

За это время мной была построена еще одна станция. Она автономна, расположена в шестистах метрах от головного комплекса. Судя по оборудованию, этот блок предназначен для каких-то биологических исследований.

Триста восемьдесят первый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.